

СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич (р. в 1918) — русский писатель, мыслитель, публицист, общественный деятель. Окончил физико-математический факультет университета в Ростове-на-Дону. Заочно учился в московском Институте философии и литературы. Участник Великой Отечественной войны (1943—1945).

Награжден орденами и медалями. Заключенный ГУЛАГа (1945—1953), позже — ссыльный. Реабилитирован в 1957. Член Союза писателей СССР (1962—1969, исключен). Нобелевская премия по литературе (1970). Лауреат премии фонда Темплтона "За прогресс в развитии религии";

Основатель Русского Общественного Фонда, помогающего политзаключенным и их семьям, "действуя строго в рамках существующих законов". Выслан из СССР (в связи с выходом первого тома "Архипелаг ГУЛАГ" в 1974). До 1976 — в Цюрихе. С 1976 — в США (штат Вермонт). Вернулся в Россию (1994).

Основные сочинения: "Один день Ивана Денисовича" (1962), "В круге первом" (создавался через 7 редакций 1955—1968), "Раковый корпус" (1968), "Открытое письмо секретариату Союза писателей России" (1969), "Письмо вождям Советского Союза" (1973), "Архипелаг ГУЛАГ" (создавался и перерабатывался в 1964—1980), "Бодался теленок с дубом" (1975), многотомная эпопея "Красное Колесо" ("Ленин в Цюрихе" — 1975, "Март Семнадцатого" — 1986—1988 и др.),

"Чем грозит Америке плохое понимание России" (1980), "Наши плюралисты" (1982), "Как нам обустроить Россию" (1990) и др. Размышляя о многомерных и разноплановых проблемах Родины и всего мира, С. сумел не только опередить свое время, но и задал высочайшую планку гражданского мужества интеллектуала, не страшавшегося идти наперекор не только власти предержащим коммунистического Востока, а (иногда) и либерального Запада, но и более конформистски ориентированным собратьям по перу.

Еще в 1973 С. подчеркивал, что "весь "бесконечный прогресс" оказался безумным напряженным нерассчитанным рывком человечества в тупик. Жадная цивилизация "вечного прогресса" захлебнулась и находится при конце. И не "конвергенция" ждет нас с западным миром, но — полное обновление и перестройка и Запада, и Востока, потому что оба в тупике". В качестве предлагающих процедур начала процесса обновления Отчизны С. (в 1969) понимал следующие: "Гласность — честная и полная гласность — вот первое условие

здравья всякого общества, и нашего тоже.

И кто не хочет нашей стране гласности — тот равнодушен к отечеству, тот думает лишь о своей корысти. Кто не хочет отечеству гласности — тот не хочет очистить его от болезней, а загнать их внутрь, чтоб они гнили там"; С. принципиально отвергает универсальные процессы космополитизации международного сообщества, не допуская и мысли об отказе от собственных национальных корней и идеалов патриотизма: "…Исчезновение наций обеднило бы нас не меньше, чем если бы все люди уподобились в один характер, в одно лицо. Нации — это богатство человечества, это обобщенные личности его; самая малая из них несет свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла"; И: "… почему человечество так отчетливо квантуется нациями не в меньшей степени, чем личностями?

И в этом граненье нации — не одно ль из лучших богатств человечества? И — надо ли это стирать? И — можно ли это стереть?" (1973). С. всегда являл собой убежденного приверженца русской идеи, полагая осуществимость ее исключительно в рамках оформления собственно российской государственности.

По мнению С. (1973), "…за русскими не предполагается возможности любить свой народ, не ненавидя других. Нам, русским, запрещено заикаться не только о национальном возрождении, но даже — о "национальном самосознании";, даже оно объявляется опасной гидрой… сегодня русский порыв к национальному самосознанию — есть оборонительный вопль тонущего народа"; С. открыто провозгласил проблему переосмыслиения geopolитических ценностей России, сформулировав требование отказа от целей мировой экспансии "самого передового общественного строя" и его ценностей.

По сути С. сумел преодолеть максиму когда-то романтической идеи "мировой революции", очень быстро трансформировавшейся в ленинско-сталинскую идеологию насилиственной "советизации" и "экспроприации"; внешнего мира. "…Не должны мы руководствоваться соображениями политического гигантизма, не должны замышлять о судьбах других полушарий, от этого надо отказаться навек… Руководить нашей страной должны соображения внутреннего, нравственного, здорового развития народа, освобождения женщины от каторги заработков, особенно от лома и лопаты, исправления школы, детского воспитания, спасения почвы, вод, всей русской природы… и никакого Космоса, и никаких всемирно-исторических завоеваний и придуманных интернациональных задач…" (1973). С. в начале 1970-х неоднократно, открыто и страстно предупреждал правящие круги Запада об опасности и жизнеспособности тоталитарной идеологии, во многом обусловив решительный поворот мировоззрения западной общественности к идеалам и охранительным механизмам "нового консерватизма": "Опыт мы прошли, равного которому на Западе не прошел никто. И мы теперь смотрим с сожалением на

Запад.

Это странное чувство: мы смотрим как будто бы на наше прошлое. А по отношении к Западу можно сказать так: мы смотрим на вас из вашего будущего...". И: "...Я всегда говорил: мы освободимся — сами, это наша задача, как бы она ни была трудна, а к Западу только одна просьба и один совет: пожалуйста, не заталкивайте нас под диктатуру... И совет: в вашем безграничном отступлении — поберегите сами себя, не отступайте в ту последнюю яму, из которой вам уже нельзя будет выбраться..."; Посвятив, в частности, "Архипелаг ГУЛАГ" критике идеологии коммунизма, С. оценивал ее содержание ("насильственно навязанное равенство всех по нижнему пределу") через изучение реальных последствий коммунистических экспериментов (в частности, коллективизация, осуществленная тоталитаризмом в СССР, по С., с одержимым рвением).

Определенное место в этой работе С. было уделено также проблеме (впоследствии неоднократно искусственно вновь и вновь актуализируемой извне) реального удельного веса евреев в античеловеческих социальных экспериментах советского руководства после Октябрьского переворота. С. писал в связи с этим (речь шла о приведенных во втором томе "Архипелага ГУЛАГ" фотографий создателей каторжной организации строительства Беломорканала и всех основных структур ГУЛАГа Г. Ягоды, Н. Френкеля, Я. Раппопорта, М. Бермана, Л. Когана, С. Жука, С. Фирина): "Я просто привел всех, кто руководил в те годы всем ГУЛАГом и Беломорканалом. Не моя вина, что они оказались евреи. Здесь нет никакой искусственной подборки моей, так показала история... Не тогда надо стыдиться преступлений, когда о них пишут, а — когда их делают, и дело историка привести то, как оно было..."

Дело каждого человека рассказывать о своей вине, и дело каждой нации рассказывать о своем участии в грехах. И потому, если здесь было повышенное участие евреев, то, я думаю, что сами евреи напишут об этом, и правильно сделают". Пытаясь спрогнозировать суть и реальный облик грядущего сценария освобождения России от тоталитаризма, С. пророчески подчеркивал: "Нельзя всю философию, всю деятельность сводить: дайте нам права! то есть отпустите защемленную руку! Ну, отпустят, или вырвем — а дальше? Вот тут... и оказывается незнакомство с новой русской историей... по сути, обходят все уроки нашей истории как небывшие — и по общей теории либерализма просто хотят повторения Февраля. — А это — гибель"; Очевидно, что далеко не все нравственно-идеологические максимы и предостережения С. нашли отклик в правящих кругах (да и у части населения) новой

России на рубеже 20—21 вв. Сложившаяся ситуация во многомнского искусственного дистанцирования писателя как от планирования репертуаров внутренней и внешней

СОЛЖЕНИЦЫН

Автор: словарь
15.09.2009 11:27 -

политики Российской Федерации, так и далеко не полной востребованности его идей среди общественности |— наглядно иллюстрирует сложность и неоднозначность трансформационных процессов в государствах постсоветского пространства.

А.А. Грицанов